

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В ТУПИКЕ ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ

„Логика! Логика! К чорту логику!“
Вудро Вильсон.

(Lemont. Les Reparations).

Характерной чертой Версальского трактата является необычайная детализация заключающихся в нем условий, хитроумная предусмотрительность на каждый отдельный случай, вместе с тем возможность различных интерпретаций отдельных пунктов и, наконец, неопределенность в некоторых основных положениях. Это своеобразное совмещение противоположностей в своей реальной действительности означало то, что договор превращался в такое орудие, которым Антанта могла беспрепятственно и неограниченно диктовать свою волю побежденной стране, связанной сетью бесконечных условий, формул и положений. Версальский договор оставил проблему репараций по существу неопределенной и нерешенной, предусмотрев, однако, все соответствующие гарантии в этом отношении,—и потому он как бы являлся не только суммой мирных условий, предложенных Германии, но и такой *carte blanche* в руках Антанты, под которой уже заранее стояла подпись Германии. Отказ от этой подписи под неизвестным, всякая форма борьбы и протеста против того, что неограниченно могло быть вписано,—все это совершенно исключалось претворением в жизнь тех условий Версальского трактата, которые были детально обозначены.

Условиями Версальского мира Германия была лишена всякой экономической, политической, дипломатической и военной активности и самостоятельности. Германская армия свелась к 100.000 чел., вербуемых на 12 лет. Всеобщая воинская повинность отменялась. Генеральный штаб был упразднен. Весь военный флот был выдан (и потоплен немедленно моряками, нужно думать, при сознательном попустительстве со стороны Англии, для которой это был самый лучший выход из положения, ибо иначе ей пришлось бы поделиться мощным германским флотом со своими союзниками, а это означало бы их усиление на море). Герма-

нии запрещено было иметь артиллерию, подводные лодки, военные аэропланы, и даже разрешенная договором частная авиация впоследствии (по ультиматуму 5 мая 1921 г.) должна была регулироваться некоторыми нормами, выработанными Антантой. Весь левый берег Рейна, а на правом берегу полоса шириной в 50 километров превращались в нейтральную зону, где Германия лишалась права содержать вооруженную силу и укрепления. Укрепления на Гельголанде также должны были быть разрушены. Позднее (5 мая 1921 г.) Германии было предложено снести также и все восточные крепости. Возможности защиты своих сухопутных и морских границ,—основного условия сохранения государственного суверенитета, — Германия была таким образом лишена, а между тем внесенное Америкой на Парижской конференции предложение гарантировать безопасность Германии (в ее новых, конечно, границах) было самым решительным образом отклонено Францией. Территориальные потери подрывали хозяйственный и политический организм Германии. Германия потеряла все свои колониальные владения, в шесть раз превышавшие по площади империю, с населением в 13 миллионов человек. Доступ на иностранные колониальные рынки был для нее закрыт. Большая и лучшая часть ее торгового флота была конфискована. Эльзас Лотарингия отошла к Франции, а это означало потерю территории в 14.552 кв. километра, на которой жило 1½ миллиона человек, а также потерю 76% всей германской железной руды, 64% томасова шлака, 26% калия. К Бельгии отошли нейтральная и прусская части Морене и округа Эйпен и Мальмеди вместе с 62.000 жителей. В одном лишь Эйпене Германия потеряла лесу на 75 миллионов золотых марок, а также большое количество цинковой руды. Отделение от Германии Саарской области означало потерю 11 миллиардов тонн угольных запасов.

К Чехословакии отошел Гульчинский округ с 45.000 населения. Польша получила значительные отрезки Западной Пруссии, Познани, а также Восточной Пруссии, Померании и Силезии,—территорию с населением в 3 миллиона человек. Вместе с Верхней Силезией (впоследствии переданной Польше вопреки результатам плебисцита) Германия потеряла 95% находившихся там залежей угля, 75% свинцовых рудников и 60% добычи цинка. До войны эта область доставляла Германии 84% цинка, 59% свинца, 23% угля. От Германии, далее, отошли Данциг с 327.000 жителей и область Мемеля, насчитывающая 140.000 жителей. Восточная Пруссия была отделена от Германии, так наз., Польским коридором. Всего Германия потеряла, не считая колоний, приблизительно 1/8 своей территории и 1/12 всего своего населения. Люксембург, связанный до 1 января 1919 г. с Германией тамо-

женной унией и арендной сдачей своих железных дорог, вступил в таможенный союз с Бельгией. Согласно ст. 80 Версальского трактата присоединение Австрии к Германии сделалось невозможным без разрешения Совета Лиги Наций. Следует также отметить постановление об интернационализации важнейших водных путей Германии, об уравнении в Германии иностранцев в правах с собственными гражданами, о праве одностороннего наибольшего благоприятствования для торговли в Германии граждан Антанты, о ликвидации германского имущества в странах победителей и т. д., и т. д.¹

Гарантией выполнения договора являлась, между прочим, оккупация сроком от 5 до 15 лет левого берега Рейна войсками Антанты, содержащимися, однако, на германские средства. Разоренная и истощенная страна, уступившая большую долю своей территории и населения, потерявшая почти весь свой торговый флот, все свои колонии и связь с заморскими странами, лишенная одной трети угля и трех четвертей железной руды, отягощенная большим военным долгом и сильно обесцененной валютой, — вынуждена была взять на себя обязанность выплачивать Антанте огромную, но неопределенную сумму в качестве, так называемых, репараций, невыполнение которых обуславливало применение санкций и продление оккупации германской территории. Устанавливая виновность Германии за войну, Антанта потребовала далее «чтобы были возмещены все убытки, причиненные гражданскому населению каждой из союзных и объединившихся держав и их имуществам в течение периода, когда эти державы находились в состоянии войны с Германией, названным нападением на суше, на море и с воздуха»². Взятая лишь в этой части статья Версальского трактата как бы не противоречит тем условиям, которые были положены в основу перемирия, однако, в ходе работ мирной конференции выяснилось, что Антанта фактически добивается грандиозной контрибуции. Французские апологеты условия перемирия заключают в себе правовые основы тех требований, которые были впоследствии предъявлены Германии. В одном они правы: французская политика, действительно, с самого начала, еще при выработке ранних условий перемирия, старалась заложить основу для создания

¹ Версальский мирный договор. Полный перевод с французского подлинника под редакцией проф. Ю. В. Ключникова и Андрея Сабанина. Москва, 1925. В. Шетцель. Политические итоги мирных договоров (1914 — 1925 г.г.). Пер. с немецкого В. П. Зелькиной, дополнение и редакция проф. Ю. В. Ключникова, 1926.

² Ст. 234.

будущей системы репараций¹, которая рассчитана была на то, чтобы получить возможность сокрушить народно-хозяйственный организм Германии, вовлечь его в сферу своего влияния и сделать объектом своего постоянного давления. Уже после перемирия французский империализм получил в этом поддержку со стороны английской политики, для которой лозунг «Германия за все заплатит» имел характер не только предвыборного маневра, но и возможности своего контроля во франко-германских отношениях. И Англия и Франция настаивали на том, что вильсоновские условия не могут иметь ограничительного характера для победителей, или, что то же,—могут быть в своем внутреннем смысле расширены до такой степени, что позволят требовать от Германии полного возмещения всех потерь и всех убытков². «Один из союзников,—передает американский участник Парижской конференции,—этим не ограничился и потребовал возмещения даже таких потерь и убытков, которые были вызваны столь неожиданным перемирием, благодаря чему прекращение военных действий повлекло за собой финансовые потери»³. Проблема репараций была на Парижской конференции предметом самой ожесточенной борьбы между Францией, Англией и Америкой,—борьбы, которая однажды едва не довела конференцию до кризиса. Англо-французская борьба свелась к тому, что каждая из сторон пыталась оставить за собой преимущественное право на полное возмещение военных издержек, между тем как Америка вообще противилась такой постановке репарационной проблемы, настаивая на связывающем значении американской ноты от 5 ноября 1918 г., гласившей лишь то, что «Германия обязана возместить весь ущерб, причиненный гражданскому населению союзных держав и их имуществу нападениями на суше, на море и с воздуха».

Франция, поддержанная Англией и мелкими державами, пыталась настоять на своем, аргументируя, между прочим, тем, что вступила в войну вопреки своему желанию и лишь из обязанности «полицейста» выполнить Лондонский договор 1839 года, гарантирующий бельгийский нейтралитет, нарушенный Германией. Американские представители довольно резко обрушились на дешевую французскую демонологию⁴, и дело дошло до того, что Вильсон недвусмысленно

¹ L.—L. Klotz. De la guerre à la Paix. Souvenirs et Documents. Paris 1924. p. 94. Mermeix. Les Négociations secrètes et les Quatre Armistices avec pièces justificatives. Paris. 1921. p. 199.

² L.—L. Klotz. De la guerre à la Paix. p.p. 211—212. Principes des réparations (Projet de la Délégation Française).

³ Bernard M. Baruch The Making of the Reparation and Economic Sections of the Treaty. New-York and London. 1920. p. 20.

⁴ Baruch. Op. cit p. 323—327.

пригрозил опубликованием англо-французских домогательств. В конце концов, однако, был достигнут компромисс, удовлетворивший и англо-французские притязания и формальную позицию Америки. Компромисс этот заключался в том, что англичанам удалось прикрыть свои требования формулой, приемлемой для американского доктринаризма в европейских делах. Генерал Сметс в своем меморандуме, составленном 31 марта 1919 г., сумел подвести установленный принцип возмещения Германией убытков, причиненных гражданскому населению, — ущерб, причиненный солдатам. «После своего увольнения, — гласит эта весьма своеобразная аргументация, — увечный солдат переходит в состав гражданского населения, и так как в будущем он уже не может (вовсе или отчасти) зарабатывать себе пропитание, то он терпит ущерб, как член гражданского населения, которому германское правительство обязано уплатить возмещение». И это было тем последним аргументом, перед которым склонилась американская позиция, ибо для нее, в конечном счете, вопрос заключался в том, чтобы обеспечить получение долгов, — а не потеряв положение арбитра в отношениях между Антантой и Германией, можно было рассчитывать на то, чтобы регулировать эти отношения в случае, если развитие репарационной проблемы примет невыгодный в каком-либо смысле для Америки оборот. А между тем, достигнутое соглашение в своем реально-количественном выражении равно было двум третям всех репарационных требований, предъявленных впоследствии Германии, жизненная основа которой и без того разрушалась экономическими статьями договора, подрывающими германскую систему транспорта, заморскую торговлю и широкую эксплуатацию угля и железа. В результате VII часть Версальского трактата, посвященная вопросу о репарациях, ни в какой мере не напоминает тех гарантийных условий, которые установлены были в германо-американской переписке о перемирии. Общая сумма возложенных на Германию репараций в Версальском трактате обозначена не была, — ее должна была установить специальная репарационная комиссия не позднее 1 мая 1921 г. Германия, таким образом, подписала незаполненный вексель, между тем как французский министр финансов оценивал оди лишь французские претензии за убытки в 5.360 миллионов фунтов (134 миллиарда франков), т. е. суммой, в шесть раз превосходящей вычисления английского экономиста, известного специалиста по репарационному

¹ Baruch. Op. cit. p. 31.

вопросу Кейнса¹, а общая сумма, предположенная, как репарационное требование, превосходила ценность всего народного хозяйства Германии накануне войны.

Репарационная комиссия, составленная из представителей главных союзных держав, получила чрезвычайно широкие полномочия и превратилась как бы в вершителя судьбы экономической жизни Центральной Европы. Еще до определения общего счета репарационных платежей, предъявленного Германии, последняя по Версальскому договору обязалась внести до 1 мая 1921 года один миллиард фунтов стерлингов и, кроме того, представить обязательства на предъявителя на сумму в два миллиарда фунтов. Далее, репарационная комиссия получила право потребовать, если установит платежеспособность Германии, выпуска новых пятипроцентных векселей на сумму в 2 миллиарда фунтов стерлингов, а потом и новых выпусков предъявительских векселей, пока не будет покрыт предусмотренный максимум.

Если принять во внимание, что соответствующее постановление договора означает рост основной суммы долга по сложным процентам, то основные линии репарационных требований делаются понятными: они были невыполнимы, ибо не соответствовали экономическим ресурсам Германии и тем возможностям, которые были предоставлены ей всей системой Версальского трактата. К тому же, Германия должна была выполнить многочисленные обязательства сверх репарационных платежей. Сюда, например, относится передача всего государственного имущества в колониях и в Эльзас-Лотарингии без зачета его стоимости в общую сумму долга.

«Германия уже более не будет ни народом, ни государством,—писали германские представители в Версале, изучив предложенный им к подписи мирный договор,—она превращается в торговое дело, которое ее кредиторы передают в руки получателя, при чем ей не дается даже такой ничтожной гарантии, как возможность доказать свою готовность со всем усердием выполнять возложенные на нее обязательства. Комиссия (репарационная.—А. Е.), которая должна иметь свою главную квартиру вне Германии, будет располагать внутри нее гораздо большими правами, чем те, какими когда-либо обладал германский император. Под властью подобного режима германский народ надолго останется лишенным всяких прав; в гораздо большей степени, чем какой-либо народ в эпоху абсолютизма, он будет лишен свободы деятельности и связан в стремлениях каждого лица к экономическому и даже моральному преуспеянию».

¹ Дж. М. Кейнс. Экономические последствия Версальского мирного договора. — Пер. Д. П. Кончаловского. 1924. Стр. 59.

Версальский договор был ратифицирован 10 января 1920 года, и реализация его условий тотчас же вскрыла заложённые в нем и порожденные им грандиозные противоречия. Все попытки разрешения центральной проблемы в отношениях между Антантой и Германией—репарационной проблемы—приводили в конце концов к тупику, выход из которого был лишь в ревизии Версальской системы. Но пути этой ревизии были весьма длительны, извилисты и противоречивы, и определялись они не только теми силами, которые были непосредственно заинтересованы в том или ином разрешении репарационной проблемы. Соединенные Штаты не ратифицировали Версальского договора и вернулись к политике самоизоляции. Мировая война и ее результаты, как они зафиксированы были в серии трактатов, выработанных на Парижской конференции, привели к попыткам утверждения в Европе французской гегемонии, опирающейся на систему мелких и новообразовавшихся милитаристических государств. Отсюда основное противоречие в международно-политической системе послеверсальских отношений—англо-французское противоречие. В игре международно-политических сил новейшей Европы число возможных комбинаций ограничено, и одной из самых опасных для себя комбинаций политика Великобритании всегда считала,—и не без оснований,—образование континентального блока, и в частности франко-германское сближение. Такая комбинация в послевоенных условиях могла сложиться либо в результате продолжения политики Версаля, т. е. политики, направленной на полное экономическое и политическое обессидение Германии, за счет возрастающего влияния французского империализма,—либо в результате политики, знаменующей некоторое сближение с Германией. И если графически изобразить послеверсальскую политику французского империализма в его отношениях с побежденной Германией, то можно будет вычертить некую зигзагообразную линию, заостренные концы которой означали бы наиболее крайнее проявление обеих возможностей, неоднократно использованных французской политикой и дипломатией. Однако, самый факт зигзагообразности этой политики, возможность переходов к противоположным методам,—от экономического сближения с Германией до применения решительных военных санкций включительно,—размах, разделяющий крайности, и линии, эти крайности соединяющие,—все это определяется интересами французского империализма и той системой международно-политических отношений, в которой ему приходилось в данный момент действовать. После того, как Америка отошла от непосредственного участия в делах Европейской политики, главными международно-политическими силами, с которыми

Франции приходилось считаться при разрешении Германской проблемы, были: Великобритания и Советская Россия. Если основное направление империалистических интересов французских металлургических концернов—вовлечь в сферу своего непосредственного влияния экономические ресурсы Германии, в частности, эксплуатацию угольных богатств Рурского бассейна, превращение Германии в один из основных базисов для дальнейшего расширения экономического и политического влияния Франции,—оставалось постоянным, то соотношение сил на арене европейской и мировой политики неоднократно менялось. Обе политические линии французского империализма—порабощение Германии и соглашение с нею—были для Великобритании чрезвычайно опасны, ибо в обоих случаях для Англии, хозяйство которой вступило после войны в полосу серьезного кризиса с его постоянным и обязательным спутником—хронической безработицей,—послевоенное развитие французской промышленности означало появление сильного конкурента, который, в случае, если бы он получил опору в экономических ресурсах Германии, мог бы стать грозной и непреодолимой силой. Основной линией английской политики, как она проявилась в истории многочисленных послеверсальских конференций по вопросу о репарациях, и является борьба с французскими тенденциями утвердить свою гегемонию в Европе,—тенденциями, проявляющимися различно: и в форме экономического соглашения с правительством и отдельными капиталистическими группами Германии, и в форме внезапного насильственного наскока, и, наконец, в форме комбинированных методов давления. Орудием этого давления являлись те репарационные обязательства, которые были навязаны Германии Версальским трактатом и которые в своей окончательной форме не были определены. Постоянными участниками репарационной комиссии являлись представители Франции, Великобритании, Италии и Бельгии¹, но так как председателем комиссии был француз, который в случае разделения голосов получал право на второй голос, то превалирующее влияние Франции, всегда поддерживаемой своей союзницей Бельгией, было обеспечено. Сложность проблемы репараций и отражающиеся в этом вопросе англо-французские противоречия выразились в том, что в результате беспрерывных заседаний репарационной комиссии и многочисленных конференций союзников — решались вопросы лишь сравнительно второстепенного порядка, между тем как разрешение основного вопроса почти не продвигалось вперед. Политика

¹ Соединенные Штаты, не ратифицировавшие Версальский договор, имели в репарационной комиссии лишь своего наблюдателя.

Англии, которая определялась интересами восстановления европейского рынка и восстановления европейского равновесия, неизбежно сталкивалась на этих конференциях с политикой Франции, добивающейся гегемонии в Европе. Объектом этих столкновений была Германия, которая, не имея никакой внешне-политической опоры, вынуждена была или расплачиваться за исход этих столкновений, или довольствоваться теми мизерными облегчениями, которые иногда выплывали на поверхность в результате англо-французской борьбы. Одним из основных элементов французской политики,—направленной к тому, чтобы на базе расчлененной и обессиленной Германии утвердить свою гегемонию в европейских делах и увеличить свое влияние в общей системе мировой политики,—являлось расширение зоны военной оккупации германской территории. В этом отношении Франция старалась не упускать представляющейся возможности. Когда в Рурской области вспыхнуло массовое восстание углекопов, и германское правительство направило туда для подавления восстания вооруженную силу, тем самым нарушив постановление Версальского трактата о нейтрализации зоны в 50 километров на правом берегу Рейна,—французская политика тотчас же применила соответствующие военные санкции, оккупировав (6 апреля 1920 г.) Франкфурт. В связи с этими мероприятиями французского правительства и была созвана первая после Версаля конференция в Сан-Ремо¹ (19—26 апреля 1920 г.), на которой, между прочим, Англии удалось добиться эвакуации Франкфурта, а также постановления о том, что применение подобных санкций в будущем может иметь место лишь в результате соглашения всех союзников. Именно на этой конференции было впервые выдвинуто Англией предложение пригласить для переговоров германских представителей. И не случайно на этой же конференции под давлением Англии, действующей под влиянием затяжного экономического кризиса и ищущей рынков, было постановлено вести переговоры в Лондоне с советской торговой делегацией. Заинтересованная в установлении европейского равновесия и в экономическом восстановлении континента, как стимула развития его покупательной способности, Англия стала постепенно противодействовать программе французского империализма, который считал возможным подчинить себе обезоруженную Германию экспедицией цветных войск и расправиться с Советской республикой силами молодого польского милитаризма и поддержкой крымского диктатора генерала Врангеля.

¹ Albert Milhaud. La Reconstruction du Monde. Chronique du temps present. Paris 1923/24. P. 173—196. San-Remo.

Последующие за Сан-Ремо конференции в Гайте (май 1920 г.), в Булони (21 июня 1920 г.), в Брюсселе (2—3 июля 1920 г.) не продвинули вперед дело составления репарационной схемы. Следующая конференция, состоявшаяся в Спа (5—16 июля 1920 г.), в этом отношении также ничего нового не принесла. На конференции этой впервые, по настоянию Англии, принимали участие германские представители, и, кроме того, тут были определены доли, закрепляемые за каждым союзником, из общей репарационной суммы, величина которой все еще оставалась неизвестной и схема реализации которой также не была еще выработана. Франция получила 52% общей суммы, Британская империя—22%, Италия—10%, Бельгия—8%, а остаток составлял резерв в пользу других государств¹. Кроме того, на этой конференции был выработан протокол, обеспечивавший Антанту доставкой германского угля. По Версальскому договору² Германия обязана была сдавать свыше сорока миллионов тонн угля ежегодно. Но так как эта цифра была совершенно невыполнима, то репарационная комиссия была поставлена перед необходимостью несколько изменить установленное требование в сторону снижения. Конференция в Спа установила размер поступлений германского угля в 2 миллиона тонн ежемесячно и притом согласилась на возмещение Германии разницы между ценой угля на мировом и внутригерманском рынке. Все это означало изменение условий Версальского трактата, которое вызвано было тем, что навязанные Германии требования не стояли в соответствии с объективными экономическими возможностями, а утверждение невыполнимых требований путем применения военных санкций обуславливалось для французского империализма политической позицией Великобритании. Франции все же удалось в Спа настоять на том, что, в случае, если общее количество поставок угля не достигнет к 15 ноября 1920 года установленного количества, «союзники, как гласила нота, приступят к оккупации дальнейшей части германской территории и займут либо Рурскую область, либо какую-нибудь другую»³.

Руководящие круги германской политики, в общем, были удовлетворены этим результатом, усматривая хорошее в том, что предложенные условия не стали хуже. Английский парламент был также удовлетворен политикой Ллойд-

¹ Дж. М. Кейнс. Пересмотр мирного договора. Пер. с англ. Д. П. Кончаловского, 1924. Стр. 101. Приложение документов. Соглашение в Спа, июль 1920 года.

² Часть VIII, прилож. V, §§ 2—4.

³ Дж. М. Кейнс, *Юб*, стр. 102—103. Союзная нота Германии по вопросу о доставке угля.

Джорджа, который считал, что дальнейший нажим на Францию мог бы привести лишь к обратным результатам, между тем, как во французской палате результаты конференции были оценены, как начало ревизии Версальского трактата, и потому были встречены резко оппозиционно: Бриан прямо говорил о том, что «материальные интересы» союзников находятся в противоречии между собой¹. Еще большее недовольство Франции вызвало то, что ей пришлось на конференции в Спа согласиться на продление срока разоружения Германии до 1 января 1921 года. Правда, попытка Германии добиться увеличения своей армии до 200.000 человек не увенчалась успехом, но и те уступки, которых она добилась в Спа по вопросу об угольных поставках и продлении срока разоружения, были возможны, главным образом, благодаря тому, что Красная армия одерживала крупные успехи в войне с Польшей, и продвигалась на Запад. Германия пыталась использовать ситуацию, создавшуюся в связи с наступлением Красной армии,—и это особенно раздражало французских политиков².

3 августа министр иностранных дел Симонс официально объявил, что Германия в советско-польской войне будет сохранять строжайший нейтралитет и не допустит перевозки через свою территорию войск и военного снаряжения, аргументируя последнее тем, что в противном случае это вызовет гражданскую войну. Действительно, все симпатии рабочего класса были на стороне Советской республики, и это выразилось в многочисленных постановлениях рабочих организаций бастовать в случае, если Франция попытается перебросить свою помощь Польше через Германию. В Данциге немецкие рабочие саботировали перегрузку военного снаряжения, посланного Францией Польше. Давление рабочего класса было таким образом достаточно велико, и германскому правительству приходилось с этим считаться. Противоречивое положение, в которое попала Германия, отразилось и на противоречивости ее политической линии, которую можно характеризовать, как первую попытку политики балансирования между борющимися силами с целью извлечь для себя максимум возможных в данных условиях выгод или, говоря более конкретно, добиться ревизии некоторых пунктов Версальского трактата. Германское правительство обратилось к союзникам с нотой, в которой сообщало о своем намерении для обеспечения своего нейтралитета усилить свои войска в Восточной Пруссии путем прибавления к ним добровольцев,

¹ E. Kraus. Von Versailles bis London. Karlsruhe 1921 г. S. 48.

² Raymond Poincaré. Histoire politique. Chroniques de Quinzaine. Paris 1920 p. 237.

и занять плебисцитарные округа Алленштейна и Мариенвердера. Это означало—забрать в свои руки правый берег Вислы, перерезать одну из железнодорожных линий, ведущих из Данцига в Варшаву, и получить возможность перерезать и вторую линию, проходящую по левому берегу Вислы и являющуюся единственно свободным путем для союзников в Польшу. Германская политика, ссылаясь на необходимость защитить свой нейтралитет от возможного вторжения Красных войск, пыталась занять удобную стратегическую и отчасти контролирующую позицию, чтобы в надлежащий момент сделать то или иное свое выступление решающим и ценным. В германских военных и наиболее реакционных кругах, повидимому, были довольно определенные тенденции за активное выступление против Советской России на условиях ревизии некоторых частей Версальского трактата. Тенденция эта особенно оживилась после того, как английский военный министр Уинстон Черчилль, еще на Парижской конференции поддерживавший план Фоша о походе на Москву, напечатал в „Evening News“ статью, в которой писал о необходимости заставить Германию выступить на помощь Польше, обещав ей ревизию Версальского трактата. «Интересы Франции и Англии и все плоды победы,—писал он в этой статье,—пойдут на смарку, если Польша будет изнасилована красными войсками или поддается большевистской пропаганде, ибо тогда будет разрушена преграда, поставленная союзниками между Россией и Германией. В этих условиях перед Германией ставится страшный и необычайный выбор: или толкнуть свою собственную цивилизацию во всеобщий большевистский хаос, или, путем наивысшего мудрого усилия, построить плотину для того, чтобы остановить напор воли красного варварства. Если германцы докажут, что они способны оказать Европе такую услугу, то они, несомненно, совершат этим самый больший шаг по пути к искуплению своих грехов, и это сможет предоставить им снова место в общей культуре и обеспечить искреннее сотрудничество Англии, Франции и Германии, от которых зависит спасение Европы»¹. Руководящая английская пресса с „Times“ во главе весьма критически отнеслась к этому предложению Черчилля, но в некоторых германских кругах за эти проекты, очевидно, ухватились. В частности, известный германский крупный промышленник Рехберг вел переговоры с французским генералом Нолле² и членами английской дипло-

¹ Цит. по «Бюллетеню Народного Комиссариата Иностранных Дел» 1920, № 32.

² Lucien—Graux. Histoire de Violations du Traité de Paix. Tome Premier. Paris 1921. p. 65.

матической миссии²). По сведениям французской прессы, которая очень внимательно следила за малейшими движениями германской политики, особенно в это время, в Берлине между британским поверенным в делах и генералами Гофманом и Людендорфом происходили неофициальные переговоры о выступлении Германии против Советской России. Людендорф, по тем же сведениям, предполагал организовать полуторамиллионную германскую армию, достаточную, по его мнению, для полного разгрома большевиков, и готов был встать во главе этого дела, но взамен требовал уничтожения некоторых пунктов Версальского договора, в частности, касающихся Польского коридора и Верхней Силезии, а также признания за Германией права на крупную долю в будущей эксплуатации России. Все это звучит весьма правдоподобно и является рецидивом старых планов германского империализма, который в свое время, погибая, старался спасти себя от ударов Антанты путем активных выступлений против Советской республики. Теперь этот рецидив свидетельствовал о попытках возрождения германского империализма ценой выступления в качестве агента Антанты. Реакционные силы германской политики готовы были примириться с положением дел на Западе и искали выхода для своей экспансии в эксплуатации потенциально-богатого Востока. Любопытно,—если только верны сообщения французской прессы,—что в германских националистических кругах одновременно весьма усердно муссировался слух о существовании тайного советско-германского договора, якобы направленного против Польши, против лимитрофов, а также против Версальского трактата. Можно предположить, что этот апокрифический договор был создан не только французской прессой, которая всячески старалась скомпрометировать Германию перед своим собственным общественным мнением и перед Англией, но и националистическими кругами Германии, которые призраком своего сближения с Востоком в эти критические дни предполагали заставить Антанту идти на уступки. Тут впервые правые (но не крайне-правые) давали понять Антанте, что кроме политики борьбы с Советской республикой для Германии возможна политика сближения с Востоком, как о в б о н н и б ы л. „Kölnische Zeitung“,—например, влиятельная германская газета, в свое время инспирировавшая Бисмарком, и к этому времени ставшая органом Стиннеса,—писала о том, что Германия заняла нейтралитет «не без благожелательности в стороны Ленина и Брусилова».

План образования англо-франко-германского блока и германского выступления против Советской России потерпел крах, ибо Антанта не согласилась на предложенные условия, которые означали ревизию Версальского трактата

и возрождение германского империализма¹. Перспектива сближения Германии с Советской Россией вызвала еще большее возбуждение, и не только во французской, но и в английской прессе², которая требовала выступления Антанты против Германии на Западе, как гарантии и в противовес возможному выступлению Германии на Востоке. Все это и с той и с другой стороны было лишь маневрами в политической борьбе, ибо если в Германии о советско-германском договоре говорили, то в странах Антанты всерьез этому никто не верил³. Но эти маневры достаточно характерны, т. к. они внешним образом и в своеобразном преломлении выражали новые тенденции зарождающегося устремления Германии на Восток и являлись первичной формой той политики, которая впоследствии развернулась на гораздо более широкой основе. Теперь же социальная природа германского государства определяла совершенно точно те границы, в пределах которых Германское правительство еще готово было вести политическую игру, но за пределы которых оно выйти не могло.

«Если им (т. е. большевиками.—А. Е.),—сказал Симонс в рейхстаге,—удастся выполнить свое намерение (нарушить германский нейтралитет.—А. Е.), то они заставят Германию выступить на стороне Антанты и Польши против России. Тогда произойдет то, чего я всячески хочу избежать,—произойдет то, что Германия станет ареной в этой ужасной войне»⁴. Как бы то ни было, но действительная позиция, занятая Германией в советско-польской войне, являлась следствием тех противоречий, которые успели вскрыться уже в результате первого года действия условий Версальского договора. Германия в этих противоречиях искала выхода, и одновременно с первыми робкими попытками завязать сношения с Советской республикой обращала свои взоры в сторону Соединенных Штатов. Это последнее следует рассматривать не как традицию послевоенной политики Германии, но как общую социально-политическую ориентацию, определяющуюся всей системой евро-

¹ Разоблачение, сделанное в сентябре 1927 г. венгерской газетой «Мадьяршаг», и опубликованная брошюра бывшего венгерского военного министра генерала Шратера, на которую в свое время обратил внимание «Pester Lloyd», свидетельствуют, что между Францией и Венгрией велись переговоры о выступлении последней совместно с Польшей против Советской России взамен ревизии некоторых условий Трианонского договора. План Черчилля-Людендорфа имел, таким образом, свой франко-венгерский прецедент.

² Напр. «The Times» от 26 августа 1920 г.

³ Даже Lucien-Graux, который готов обвинять германское правительство в том, что оно пропагандировало большевизм в Бельгии, не решается утверждать существование договора.

⁴ Цит. по «Бюллетеню Народного Комиссарита Иностранных Дел», 1920, № 32.

пейских противоречий. В руководящих кругах германской политики отлично понимали, что победа Советской России над Польшей неизбежно будет стимулировать взрыв Версальской системы,—однако, этот метод действенной, практической ревизии условий Версальского трактата казался правящим классам Германии слишком опасным и потому неприемлемым. Виднейший представитель германских, подобно настроенных кругов и отличный знаток вопросов международной политики, проф. Гетч и говорил именно в этом смысле о том, что Германия находится между империализмом и большевизмом. В свете основных тенденций внешней политики Германии, как они зародились в условиях после Версаля и впоследствии развернулись в диалектическом ходе европейской истории, концепция Гетча может рассматриваться, как выражение определенной политической ориентации. В конце 1920 года лидер германских националистов, отмечая послевоенный экономический кризис, который охватил не только побежденных, но и победителей, говорил о ревизии Версальского договора, как о предпосылке борьбы с надвигающимся хаосом и общим врагом капиталистических государств—с большевизмом, и притом считал, что в экономическом оздоровлении Германии, стимулирующем оздоровление всего европейского хозяйства, решающую роль будет играть не Англия, которая связана в восточных делах, и которая встречает сильное противодействие со стороны Франции, а Америка, которая должна будет вернуться к европейским делам и установить тут экономическое и политическое равновесие, как необходимое условие для увеличения покупательной способности Старого Света¹. Действительно, германская политика в поисках противодействия англо-французскому нажиму искала точки опоры в различных направлениях, из коих один путь вел в Вашингтон, другой в Москву. В первом случае имелись в виду поиски капиталов, как условия восстановления расшатанной финансовой и обще-экономической системы, во втором случае—поиски дешевого сырья и рынков сбыта фабрикатов, как условия восстановления равновесия и оздоровления народно-хозяйственного организма Германии. Те временные и сравнительно малозначительные облегчения, которые были Германии предоставлены в Спа отчасти благодаря советско-польской войне, не могли иметь решающего значения в отношениях между Антантой и Германией. Основная проблема—проблема репараций—оставалась неразрешенной. Брюссельская конференция экспертов (16—22 декабря 1921 г.) реально ни к чему не привела. В

¹ Otto Hoetzsch. Deutschlands aussenpolitische Lage 1920. Die Grenzboten. 1920. № 52.

Это же время начались непосредственные переговоры между представителями французского правительства и промышленности и представителями крупнейших германских промышленных объединений. Перспектива франко-германского соглашения оказалась достаточной, чтобы английская политика быстро переменяла фронт. На Парижской конференции (24—30 января 1921 г.) Англия неожиданно стала поддерживать самые крайние французские требования, которые в результате свелись к тому, что Германия должна вносить по 100.000.000 фунтов в первые два года, по 150.000.000 фунтов в год для следующего трехлетия, затем по 200.000.000 фунтов в год для следующих трех лет, по 250.000.000 фунтов в год для следующего трехлетия, и далее, наконец, по 300.000.000 фунтов ежегодно в течение 31 года. Кроме того, решено было обязать Германию платежом ежегодной суммы, равной 12% германского экспорта¹. Германское правительство предъявило Лондонской конференции (1—7 марта 1921 г.) союзников свои контр-предложения, которые были резко отвергнуты и Францией и Англией. 3 марта союзники предъявили Германии ультиматум, который требовал принятия парижских постановлений под угрозой оккупации Дюисбурга, Рурорта и Дюссельдорфа на правом берегу Рейна, установления таможенной границы между оккупированной территорией и остальной Германией и других мер, направленных на подрыв экономической жизни Германии. Парижские постановления вовсе не вытекают из условий Версальского трактата и если имели с ним какую-либо связь, то разве только в смысле своей невыполнимости. Германский ответ был отвергнут, и французский империализм получил возможность вторгнуться на германскую территорию и сделать еще один шаг в своих попытках отделить Рейнскую область от Германии и занять подступы Рурского угольного бассейна. Английская политика достигла своей цели,—намечавшееся франко-германское соглашение было сорвано,—а расплачиваться за политику английских маневров пришлось все той же Германии, которая пыталась было протестовать через Лигу Наций, но, конечно, безуспешно. Концепция Гетча о роли американского вмешательства в дела Старого Света имела характер не только теоретического прогноза. Отправляясь в Лондон, германское правительство, завязавшее переговоры с некоторыми представителями американского капитала, рассчитывало на то, что решающее слово в репарационной политике Антанты скажет Гардинг, как раз в это время вступавший на должность американского

¹ Дж. М. Кейнс. Пересмотр мирного договора, стр. 15.

президента¹. Этого не случилось, и германское правительство решило само обратиться к Соединенным Штатам со своими предложениями относительно репарационной проблемы и, тем самым, старалось вызвать американское вмешательство (Германия, между прочим, выразила согласие взять на себя часть долгов союзников Соединенным Штатам). Вашингтонское правительство, выяснив предварительно в Лондоне и в Париже неприемлемость сделанных предложений, отклонило германскую просьбу.

Политика, рассчитанная на американскую интервенцию, потерпела крушение. Между тем Германии был сообщен (27 апреля) результат работ Репарационной комиссии, установившей общую сумму требуемых платежей в размере 132 миллиардов золотых марок².

Собравшаяся вторично в Лондоне конференция союзников, (29 апреля — 5 мая 1921 г.) предъявила Германии новый ультиматум и под угрозой оккупации Рура потребовала принятия предложенной схемы репарационных платежей. Схема эта устанавливала три серии репарационных обязательств, из которых первая (А) равна была 12 миллиардам, вторая (В)—38 и третья (С) 82 миллиардам. Платежи должны были состоять из твердых ежегодных взносов—в два миллиарда золотых марок и изменчивых — в 26% ценности германского экспорта. Лондонский ультиматум был принят, и это как бы резюмировало первый этап истории послеверсальских отношений между Антантой и Германией. Надежды на американское вмешательство не оправдались, и в поисках выхода из того тяжелого экономического положения, в которое Германия была загнана системой Версильского мира, пришлось обратиться на Восток. Еще в начале 1920 г. Германия и Советская Россия обменялись уполномоченными по делам военнопленных. Сначала германское правительство ставило некоторые препятствия для полного возобновления дипломатических отношений между обеими странами, но все же удалось достигнуть ряда соглашений (19 апреля, 29 апреля и 7 июня) о реэвакуации военнопленных. После советско-польской войны в Германии усилились тенденции в сторону соглашения с Советской Россией, но реализация их задерживалась политикой Антанты, — и в этом лишний раз проявилась противоречивость послеверсальских отношений, которые, направляя германскую политику в сторону соглашения с Советской Россией, удерживали ее от этого возможностью давления со стороны Антанты. И только заключение англо-советского договора

¹ E. Kraus. Von Versailles bis London. S. 82.

² К этому следует прибавить 6 миллиардов на уплату Бельгийского долга.

сдвинуло вопрос о соглашении с мертвой точки. 6 мая 1921 г. т. е. тотчас же по окончании Лондонской конференции представители Советской России и Германии подписали в Берлине «временное соглашение»¹, по которому представительство РСФСР в Германии признавалось «единственным представительством Российского государства в Германии» (ст. 1) и которым подводилась некоторая правовая база «для развития экономических сношений между обоими государствами».

Заключение этого соглашения стимулировало развитие экономических связей между обоими государствами. Правда, торговые сношения на первых порах выразились лишь в продаже паровозов Советской России, а также других товаров исключительно за наличный расчет золотом, в то время, как, например, Румыния покупала в Германии паровозы в кредит. Но все же советско-германские отношения сдвинулись с мертвой точки, и вскоре открылась возможность организовать смешанные советско-германские общества морского транспорта, торговли металлами, воздушного сообщения и т. д., а также вести деловые переговоры с группой рейнско-вестфальских промышленников о предоставлении Советской России кредитов.

Необходимость экономической связи с Советской республикой была, таким образом, Германией реализована только тогда, когда политика Антанты предоставила для этого возможность. Англия установила прецедент в деле восстановления торговых сношений с Советской Россией, и Германия могла лишь последовать по этому пути, и притом в условиях англо-французского антагонизма. Основное направление английской политики в Европе сводилось к тому, чтобы, для преодоления послевоенного упадка своей промышленности и хронической безработицы, ослабить экономическое и политическое влияние Франции, увеличить свой вывоз путем поднятия покупательной способности континента и открытия новых рынков сбыта, увеличить ввоз дешевого сырья и сельскохозяйственных продуктов. Кроме того, Англия заинтересована была в увеличении общих торговых оборотов европейских стран, что повысило бы нагрузку ее могущественного, но отчасти бездействующего торгового флота. Все это означало необходимость для Англии оздоровления условий экономического существования Европы, — основной предпосылкой которого было включение Советской России в систему мирового хозяйства и восстановление народно-хозяйственного организма Германии. Одним из противоречий

¹ Соглашения с Германией, заключенные в Берлине 6 мая 1921 г. Народный Комиссариат Иностранных Дел. 1921.

репарационной проблемы явилось то, что для выполнения своих репарационных обязательств, для выполнения своих платежей в золоте Германия должна была установить активный торговый баланс и, следовательно, максимально развить свой экспорт, т. е.: выступить на мировом рынке в качестве грозного конкурента Антанты. Политика крайнего протекционизма, столь характерная для послевоенной истории, ставила непреодолимую преграду германскому экспорту, а это неизбежно отражалось на выполнении репарационных обязательств. Вывоз золота в виде репарационных платежей был невозможен без значительной активности торгового баланса, а так как этой активности не было, то марка начала усиленно падать, а это усиливало конкуренцию германских товаров на мировом рынке. Одной из попыток выйти из этого порочного круга были соглашения, подписанные 6 и 7 октября 1921 г. в Висбадене Л. Лушером и В. Ратенау, по которым репарационные платежи должны были производиться специальной немецкой организацией в централизованном порядке непосредственно товарами, но это вызвало сильное противодействие и в Германии, и со стороны французской индустрии, опасавшейся наплыва большой массы германских товаров, и со стороны Англии, которая всегда подозрительно относилась к сепаратным франко-германским переговорам и соглашениям. Необходимость расширения своего экспорта, получения дешевого сырья,—все это толкало Германию в сторону восстановления и развития ее хозяйственных связей с Востоком, довоенный уровень которых был весьма значителен во внешней торговле обеих стран. Интересы Англии и Германии шли, таким образом, в одном и том же направлении, однако, лишь до известных пределов. К тому же, германские устремления на Восток сдерживались непримиримой, по отношению к Советской России, позицией Франции, контролем со стороны Англии и, наконец, общей ориентацией на помощь американского капитала и его вмешательство в европейские дела. Тенденции хозяйственной жизни Германии в данных условиях все же пробивали себе дорогу и постепенно ослабляли позицию тех социальных элементов, которые из страха перед Октябрьской революцией противодействовали экономическому и политическому сближению с Советской Россией. Все это отразилось и в ходе и в направлении германской политики, которой приходилось в поисках выхода из тупика всей системы послеверсальских отношений и репарационных обязательств оглядываться на силы, в этот тупик ее загнавшие.

Пренебрежение к логике стояло при самом рождении репарационной проблемы и проявлялось во всей ее последующей истории. Английский экономист Кейнс, анализируя

платежное бремя лондонского ультиматума, пришел к пессимистическому выводу, что «между февралем и августом 1922 года наступит момент, когда Германия окажется не в состоянии платить»¹. Нужно быть справедливым: в своих пессимистических выводах Кейнс оказался оптимистом, переоценив не только возможность выполнения репарационной схемы, но и логические способности авторов последней. Вопреки принятому Германией Лондонскому ультиматуму Антанты, экономические закономерности продолжали свое действие, и уже в декабре германское правительство поставлено было перед необходимостью просить отсрочки платежей, падающих на 15 января и 15 февраля 1922 года. Для обсуждения репарационного вопроса Германия снова была приглашена на конференцию союзников, заседавшую в начале января в Каннах, и пыталась тут же снова поставить основной вопрос о соответствии между германскими платежными обязательствами и германской платежеспособностью. Германия добилась временной отсрочки платежей, взяв при этом обязательство уплачивать каждые десять дней по 31 миллиону золотых марок, и если эту отсрочку получила, то только при поддержке английской политики, развернувшей свою программу восстановления европейского равновесия, центральным пунктом которой было разрешение вопроса об отношении к Советской России, и которая другим концом упиралась в необходимость ревизии Версальского договора. «До тех пор,—указывалось в палате общин со стороны рабочей и либеральной печати,—пока некоторые части этого договора не будут пересмотрены, никакая конференция не поможет экономическому восстановлению Европы. Репарации в значительной доле выплачиваются британским рабочим классам. Вовсе не из чувства нежности к Германии следует признать, что репарации довели до безработицы английских рабочих, на содержание которых казначейство принуждено ныне выплачивать многие миллионы. Что же касается России, то до тех пор, пока мы не начнем с ней переговоров на началах равноправия, мы не сможем рассчитывать на восстановление доверия, без которого невозможно возобновление между нею и нами торговых сношений»².

Эта связь между торгово-промышленной депрессией в Англии и положением, созданным в Европе системой Версальских отношений и всей политикой Антанты, понималась и английской буржуазией. В начале 1922 года на обычных ежегодных собраниях крупнейших английских

¹ Дж. М. Кейнс. Пересмотр мирного договора, стр. 39.

² „The Times“ 4 апр. 1922. Цит. по Эрнест Лагард. Признание советского правительства. Пер. с франц. А. М. Сухотина под ред. и с предисловием Е. Б. Пашуканиса. Москва, 1925. Стр. 119.

акционерных банков виднейшие представители делового мира подчеркивали эту связь и требовали от своего правительства политики «умиротворения Европы». В этом отношении особенно характерно выступление известного финансиста, председателя London Joint and Midland Bank — Мак-Кенна, который в своем докладе, подчеркнув, что Версальский мир уменьшил емкость европейского рынка, устанавливал две главные предпосылки развала европейского хозяйства: разрыв мировых рыночных связей, и в частности, — выпадения России с ее рынками сырья и большой покупательной способностью, и, во-вторых, навязанный Германии режим репараций. Этот анализ с некоторыми модификациями лежал в основе всех докладов, представленных акционерным собраниям английских банков, и вытекающие отсюда последствия отражались, конечно, на направлении практической политики Великобритании. Франция всячески противилась планам английской политики, но все же вынуждена была согласиться на созыв в Генуе международной экономической конференции с приглашением туда представителей Советской республики и побежденных стран, заранее, и самым решительным образом, отклоняя при этом всякую попытку и предостерегая всякую возможность ревизии Версальского договора. Заключение советско-германского соглашения германская пресса почему-то оценивала, как эмансипацию от влияния Антанты. Нельзя отрицать, что после подписания англо-советского договора в некоторой части промышленных кругов Германии не только отпали опасения о «преждевременности» планов экономического сближения с Советской республикой, но и появились опасения в том, как бы не был упущен благоприятный момент, который может быть использован Антантой¹. С другой стороны, французский проект, поставить Советскую республику под секвестр международного синдиката для получения долгов сделал франко-советские отношения совершенно непримиримыми, — и это, конечно, не могло не занять соответствующего места в общей концепции германской политики: «Общее давление естественным образом сковывает германскую и русскую будущность»². Впоследствии сближение с Советской Россией мыслилось, как предотвращенная возможность сближения последней с Францией. Но говорить об эмансипации германской политики относительно Советской России — для этого времени было бы по меньшей мере неточно и преждевременно. Позицию Германии этого периода скорее можно

¹ Так, например, Всеобщая Кампания Электричества, исходя из этих оснований, требовала активности германской торговой политики по отношению к Советской России.

² Wirtschaftsdienst 1921, № 19. S. 244.

характеризовать, как попытку войти в фарватер английской политики. Это сказалось не только в предоставленном Каннской конференции анализе репарационной проблемы, явно рассчитанном на английскую поддержку («Германия не желает разрушать мировой рынок предложением по низким ценам»), но и в том, что Германия старалась занять значительное место в английском плане эксплуатации Советской России. План этот заключался в учреждении международного консорциума с правительственной поддержкой для восстановления и эксплуатации в Польше, в Австрии, а, главным образом, в России всех видов путей сообщения и промышленных предприятий. Происходившее в последних днях 1921 г. в Париже под председательством французского министра Лушера совещание банковских и промышленных деятелей Англии, Франции, Италии, Бельгии и Японии, установило, что проектируемый консорциум должен располагать основным капиталом в 20 миллионов фунтов стерлингов, собранным по подписке в определенной пропорции от банков и частных лиц отдельных стран Антанты, в том числе и Америки, если она пожелает принять участие. Германию предполагалось также привлечь в этот консорциум с тем, чтобы половина предоставляемой ей доли капитала была внесена германским правительством: доходы от этой половины должны были поступать непосредственно в счет репарационных платежей. В печать проникли сведения о существующем во Франции проекте образовать в Советской России эмиссионный банк, опирающийся на кредитные учреждения, главным образом, Англии и Франции. Вряд ли предполагалось, что Германия, финансовая система которой была потрясена, примет участие в осуществлении планов эксплуатации Советской России финансовым капиталом Антанты. Но английский проект интернационального консорциума всячески поддерживался представителем могущественнейшей группы германской промышленности—Стиннесом и ответственным руководителем германской внешней политики Вальтером Ратенау. «Германия тем более способна принять участие в восстановлении,—говорил Вальтер Ратенау на Каннской конференции,—что она знакома с экономическими условиями и обычаями Востока. Намеченный путь кажется мне правильным. Интернациональный синдикат и именно—частный синдикат. Германия полагает, что вопрос о восстановлении следует начать с восстановления транспорта и транспортных средств. Затем следует приступить к источникам производства и прежде всего—вновь оживить существующие предприятия. Германия полагает, что она особенно в праве принять участие в развитии Восточной и Центральной Европы, в виду своей позиции именно по отношению к политическому и

экономическому развитию Восточной Европы. В тот момент, когда Германия была уже почти на краю своих сил, — после войны, поражения, революции, — она все же оказала противодействие государственной и социальной дезорганизации. Если бы эта дезорганизация победила в Германии, она стала бы грозной опасностью для всего мира»¹.

План этого международного консорциума и монополистическая тенденция группы Стинесса, — все это встретило, однако, противодействие в других группировках германского капитала². Вскоре группа Стинесса, в свою очередь, сама стала отходить от этого плана под влиянием целого ряда условий: Америка отнеслась к англо-германскому проекту эксплуатации Советской России отрицательно, Франция всячески противодействовала предоставлению Германии большого места в консорциуме, опасаясь последствий германского экономического проникновения на Восток. К тому же, Советское правительство, искавшее соглашения на основе экономического сотрудничества, а не на основе экономического порабощения своей страны, выступило против англо-германского плана международного консорциума³, и повело деловые переговоры с некоторыми крупными группами германского капитала (Крупп, Вольф и др.). Слухи о франко-советских переговорах также весьма отрезвляюще действовали на Германию. Орган Стинесса оценил перспективу франко-советского соглашения, как попытку, направленную, с одной стороны, против Англии, с другой стороны, против Германии⁴. Место Германии между Антантой и Советской Россией, созданное в результате всех этих обстоятельств, оказалось весьма затруднительным и опасным. Та роль в международном консорциуме, которая, как стало выясняться, была отведена Германии английским капиталом, оказалась неприемлемой: она сводилась к тому, что, по выражению одного немецкого влиятельного и осведомленного органа, германский труд и капитал должны создавать экономическую ренту для Антанты. Далее, в германской политике существовали некоторые опасения, что Франция побудит Советскую Россию дать свою подпись под Версальским трактатом и этим самым возложит на Германию выплату русских долгов. Англо-германский проект стал терять под собою почву. Все это вместе взятое и заставило германскую политику постепенно перейти на путь

¹ Waltler Rathenau. Gesammelte Reden. Berlin. 1924. S. S. 373—374.

² Ср. Wirtschaftsdienst 1922, № 1. S. S. 6—7.

³ Ср. Доклад Народного Комиссара по Иностранным Делах Г. В. Чичерина на заседании Чрезвычайной Сессии ВЦИК. 27 января 1922 г.

⁴ „Deutsche Allgemeine Zeitung“ 19. Februar. 1922.

непосредственных переговоров с Советской Россией и искать с нею соглашения¹.

Накануне Генуэзской конференции в Берлине велись переговоры о восстановлении нормальных сношений между Германией и Советской Россией, которые не претворились в форму договора потому, что не было достигнуто соглашения по вопросу о взаимных претензиях. Но когда и этот пункт был разрешен, Германия все же договор не подписала: традиция Версаля была еще сильна, и переступить ее автономным политическим актом Германия все еще не решалась. И лишь та ситуация, которая вскрылась на Генуэзской конференции, заставила германскую политику быть более решительной. «Русский вопрос» с самого начала стал в центре Генуэзской конференции. Представленный в качестве основы для переговоров меморандум экспертов, выработанный Антантой, означал собою условия экономической капитуляции Советской России. В ходе частных переговоров по основному вопросу об отношениях между Советской Россией и Антантой, задержавших, между прочим, всю работу различных комиссий конференции, вскрылись противоречия между Англией, готовой идти на некоторые уступки, и поддерживаемой в этом вопросе Италией, — и Францией, проводившей реакционную политику крайней непримиримости и требований полной капитуляции Советской республики. Англо-советские переговоры все же продолжались, Германия увидела перед собой перспективу полной изоляции и испугалась появившихся слухов о намечающемся за ее счет соглашении между Антантой и Советской Россией². С другой стороны, Англия, добивающаяся устано-

¹ «... Здесь дело идет о совершенно трезвых, исключительно практических и осуществимых вещах,—писал орган германской горной промышленности,—вся суть в товарах, в товарных кредитах, в германских организаторских и рабочих силах. Все, на что теперь способно германское хозяйство, страдающее под тяжестью репараций и репрессий Антанты, должно быть посвящено ожидающей на Востоке задаче,—по возможности в тесном контакте со всеми хозяйственно-и практически-мыслящими кругами Англии, С. Ш. и нейтральных стран, которые, наконец, должны понять, что русский хаос является постоянной угрозой и тревогой для всего мира. Мировой хозяйственный кризис нельзя разрешить, если России не будет оказана помощь...», „Освобождать* Россию мы не в силах, и другим это не по силам. Не остается, следовательно, ничего другого, как считаться с фактами, пойти навстречу необходимости и уже теперь сделать все, что может быть сделано. Остается вопросом, состоится ли в Генуе какое-нибудь соглашение между Англией, Францией и Советской Россией. Нам остается думать о себе и принять, хотя бы пока скромную, долю в восстановлении Восточной Европы“. Deutsche Bergwerkszeitung от 25 января 1922.

² Германия боялась, что в результате такого соглашения вступит в силу статья 116 Версальского трактата, гласящая, между прочим, следующее: «Союзные и объединившиеся державы формально оговаривают права России на получение с Германии всяких реституций и репараций, основанных на практике настоящего договора».

вления противовеса Франции, держала постоянную связь с Германией по вопросу о советско-германских отношениях и о выработанном в Берлине договоре: «Англия дала понять,—сообщает секретарь советской делегации в Генуе,— что она не станет возражать против этого договора»¹ и 16 апреля 1922 года в Раппало советско-германский договор был подписан, и таким образом, была положена основа для восстановления и развития нормальных и дружественных отношений, отвечающих экономическим и политическим интересам обеих стран. Раппальским договором правительства признали друг друга *de jure*, обе стороны отказались от своих претензий, связанных с мировой войной, а также с вопросом об интернировании частей Красной армии во время советско-польской войны (возмещение убытков, расходы по содержанию пленных и т. п.). Германия отказалась от всяких претензий к советскому правительству в связи с вопросом о национализации имущества германских подданных, — при условии, однако, если в будущем не будут удовлетворены аналогичные претензии подданных других стран. В основу экономических взаимоотношений был положен принцип наибольшего благоприятствования с некоторыми ограничениями. Значение Раппальского договора для обеих сторон трудно переоценить: недаром известие о подписании этого договора, по единогласному отзыву участников Генуэзской конференции, вызвало впечатление взрыва бомбы. Действительно, Раппальский договор означал прорыв единого фронта в капиталистическом окружении Советской России. Первая брешь была сделана, и это вызвало перегруппировку сил в европейской системе международных отношений. Советская Россия прорубила «окно в Европу» и установила прецедент восстановления нормальных взаимоотношений на основе полной равноправности сторон при сохранении неприкосновенности своей установившейся социально-экономической системы. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет впоследствии (19 мая) «приветствовал заключенный в Раппало русско-германский договор, как единственный правильный выход из затруднений хаоса и опасности войны» и предписал соответствующим инстанциям «допускать отступления от типа Раппальского договора лишь в исключительных случаях, когда эти отступления могут быть компенсированы особыми преимуществами для трудящихся масс Советской республики», между тем, как руководящая французская пресса со своей точки зрения — поддержания системы «Карфагенского мира», — увидела в советско-германском договоре призрак войны и требовала применения во-

¹ Б. Е. Штейн. Генуэзская конференция. Москва, 1922. Стр. 55.

енных санкций, которые вернули бы Германию в положение илота французского империализма.

Еще большее недовольство советско-германское соглашение вызвало в Польше. Польская пресса всячески пыталась доказать, что Раппальский договор направлен не только против Франции, но, главным образом, против Польши, и что Германия, которая не может примириться с отделением от нее Данцига, Верхней Силезии и созданием Польского коридора к Балтийскому морю, ищет возможности зажать Польшу в тисках своего сближения с Востоком и тем самым подготовить ревизию тех статей Версальского договора, которые устанавливают линию польско-германской границы.

Хранители неприкосновенности Версальского трактата за Раппальским договором усматривали грозную возможность советско-германского союза. Считали, что если Раппальский договор и не заключает в себе секретных статей, то имеется еще и другое, неопубликованное военное соглашение¹, которое, в частности, якобы должно затруднить транспорт военного снаряжения в государства, граничащие с Советской Россией. Франция потребовала аннулирования Раппальского договора, апеллировала к репарационной комиссии, собиралась созвать совещание союзников при участии Малой Антанты и Польши, совершенно безосновательно считая, что Раппало противоречит ст. 116 Версальского договора. Никаких противоречий впоследствии не смогла установить даже репарационная комиссия, а попытка Франции, воспользовавшись заключением Раппальского договора, сорвать Генеузскую конференцию, встретила сопротивление со стороны Англии и Италии. В результате Германия поплатилась лишь тем, что была исключена из заседаний политической подкомиссии, занимающейся исключительно «русским вопросом», но фактически это никакого ущерба Германии не принесло. Напротив, Германия стала

¹ Alfred J. P. Dennis. The Foreign Policies of Soviet Russia. p. 429.

Английская реакционная газета. «Daily Mail» напечатала следующий апокрифический советско-германский договор:

« 1. По данному пункту Германия обязуется вернуть России 20 миллионов ф. ст. за период оккупации Украины.

2. Германия обязуется уничтожить концентрационные лагеря военнопленных, где содержатся до сих пор 6.000 русских, и оказать поддержку желающим вернуться в Россию.

3. Германия должна запрещать образование на ее территории офицерских обществ царского режима и уничтожать всякие организации, носящие контр-революционный характер.

4. Германия обязуется не пропускать через свою территорию транспорт военных материалов в Польшу, Румынию, Эстонию и прочие пограничные государства.

5. Россия предоставляет у себя фирме Круппа право выработки на нескольких заводах военного снаряжения и литья пушек». Lucien-Graux Histoire des Violations du Traite de Paix. III. p. 37.

выступать посредником в переговорах между Антантой и Советской Россией. Раппальский договор впервые нарушил установленную Антантой версальскую систему полной изоляции Германии, которая теперь в лице Советской России получила и международно-политическую опору и потенциально-богатый рынок для сбыта продукции своей могучей индустрии, для приобретения нужного ей сырья и для помещения свободных капиталов. Капитуляции Советской России Антанта не добилась. Генуэзская конференция потерпела фиаско, переговоры были отложены и перенесены в Гаагу, но Германия в них уже не участвовала, хотя она была заинтересована, чтобы выступить в роли посредника как в переговорах, так и в установлении и развитии экономических и политических связей между Западом и Востоком¹. Экономическое и политическое сближение с Советской Россией, вовлечение последней в европейскую систему международно-политических отношений, увеличение европейского товарооборота — все это открывало для Германии перспективу укрепления своего положения, увеличения ее влияния в концерте европейских держав. Германия стала на путь, который помогал ей превратиться из объекта политики Антанты в субъект самостоятельной политики. Подобно тому, как Раппальским договором нарушался строй капиталистического окружения Советской России, которая теперь вышла из своего изолированного положения, Германия, в условиях англо-французского соперничества, своим сближением с Востоком получила большую возможность противостоять натиску Запада. В этом смысле понятны неистовые протесты против Раппальского договора, раздававшиеся со стороны Франции, которая утверждала свою гегемонию в Европе именно на основе системы Версальского мира. Но с другой стороны именно эта система и в частности ее центральный стержень — репарационная проблема, — толкала Германию на путь сближения с Советской Россией, ибо этот путь вел к богатому рынку приобретения столь необходимого для Германии сырья, продуктов питания и сбыта продукции ее индустрии. Активный торговый баланс мог быть единственным источником планомерных репарационных платежей. Но вся система Версальского мира лишала Германию возможности лояльного выполнения навязанных ей обязательств. «Нельзя, — пишут авторы лучшего исследования о платежеспособности Германии, — найти более бессмысленного проявления человеческой недальновидности, чем требование Антанты, чтобы Германия платила колоссальные репарационные платежи и одновременно не переступала через границы всех таможенных барьеров, которые уничтожали

¹ Cp. Walther Rathenau. *Gesammelte Reden*. S. S. 409 — 410.

всякую возможность этих платежей. Трагично здесь то, что только очень немногие понимают сейчас всю противоречивость этого поведения»¹. Но все дело в том, что эта противоречивость являлась системой французской политики, которая именно в этом пыталась почерпнуть неизсякаемые возможности, постоянного давления на Германию: Версальский мир был для французской политики не суммой подлежащих выполнению условий, но методом систематического давления. Поэтому-то азбучная истина о том, что нельзя получать сверх имеющегося, что платежи не могут превосходить платежеспособность страны, могла быть отброшена, ибо ведь, грубо говоря, вопрос, как он ставился версальской системой, сводился не к тому, чтобы получить от Германии нечто установленно-возможное, а к тому, чтобы установив невозможное, его от Германии не получить. В этом смысле, со стороны Германии, оформление в Раппало соглашение с Советской Россией, исторически следует рассматривать не только как непосредственный результат всей версальской системы отношений, в тупике которой находилась загнанная Германия, но и как ответ всей послевоенной политике Антанты: пренебрежение логикой отомстило за себя.

¹ Г. Г. Маультон и К. Е. Мак-Гвайр. Платежеспособность Германии. Репарационный вопрос. Перев. с немецкого Е. Хмельницкой и А. Леонтьева. Предисловие Е. Варги, 1925 г. Стр. 88 — 89.